

РЕФЕРАТЫ

Павел Степанцов
*Виктор Безруков**

Проблема Места и Я (Self) в социальной географии и философии

Аннотация. Социальная география (human geography) проявляет достаточно интенсивное внимание к проблематике места, противопоставляя понятие «место» понятию «пространство». Э. Кейси предлагает обратить внимание на проблему взаимного конституирования человеческого Я (Self) и места. Он привлекает понятие габитуса П. Бурдьё для того, чтобы объяснить, как место оставляет свой отпечаток на Я и как Я, попадая в некоторое место эксплицирует установки, приобретенные в других местах. Кроме того, подчеркивается принципиально важная роль тела как посредника между Я и местом. Тело проводит Я в мир мест, именно благодаря телу возможно обретение некоторых установок по отношению к месту и их экспликация. Критики Кейси обращают внимание на несколько аспектов его работы. Основными пунктами критики являются не совсем ясное и четкое использование понятия «габитус», а также выбор тела в качестве связующего звена между Я и миром мест. Отвечая на критику, Кейси уточняет свои понятия и при этом ещё сильнее подчеркивает роль тела в отношениях между Я и местом.

Ключевые слова. Пространство, место, мир мест, плотные места, истонченные места, Я (Self), габитус, габитюды, тело, живое тело, географический субъект, Homo Geographicus, ландшафт, локал, глокализация, горизонт, размещенность, референциальная тотальность, социальная география, феноменология, гуманистическая культурная география.

Дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Анналы Ассоциации американских географов» («Annals of the Association of American Geographers») несколько лет назад, началась со статьи Э. Кейси «Между философией и географией. Что это значит: быть в мире мест?». В ней рассматривались философские проблемы, с которыми географы сталкиваются, переходя от исследований физического географического пространства к изучению мест. В этом случае, утверждал Кейси, социальная география (human geography) должна переосмыслить природу географического субъекта, или географического Я (geographical self), т.е. того, кто находится на местах и действует там. Особое внимание при этом Кейси обращал на проблему человеческого тела.

Мы публикуем реферат дискуссионной статьи и часть материалов развернувшейся вслед за тем полемики. Составил подборку рефератов П. Степанцов.

Участники дискуссии:

Эдвард Кейси: профессор (Distinguished Professor) факультета философии университета Стони Брук (Stony Brook University).

Профессиональные интересы: феноменология, философская психология, теория эстетики, психоанализ. В последнее время исследовательский интерес сконцентрирован на проблематике пространства и места, этики, чувств и эмоций, философии восприятия.

* **Степанцов Павел Михайлович** – стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ, pavel-stepantsov@yandex.ru

Безруков Виктор Николаевич – студент 2-го курса факультета социологии ГУ-ВШЭ, bez_v@mail.ru

© Степанцов П., Безруков В., 2008.

© Центр фундаментальной социологии, 2008.

Николас Энтрикин: профессор факультета географии Калифорнийского университета (University of California, Los Angeles)

Профессиональные интересы: культурная география, географическое мышление (geography thought), инвайронментализм, география Европы.

Теодор Шацки: профессор факультета философии Университета Кентукки (University of Kentucky)

Профессиональные интересы: социальная теория и философия социальных наук, теории действия, философия Л. Витгенштейна.

Павел Степанцов

Э. С. Кейси. Между философией и географией. Что это значит: быть в мире мест?

Edward S. Casey. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? // Annals of the Association of American Geographers. 2001.

Vol. 91. No. 4. P. 683-693.

Проблематика места и возможность действия в этом месте человеческого Я (self) – краеугольный камень статьи Эдварда Кейси. В современной географии, по мнению автора, основной проблемой является соотношение места и пространства, сам же Кейси хочет сконцентрироваться на изучении природы субъекта, помещенного в некоторое место. Этого субъекта он предлагает называть географическим Я (geographical self).

Кейси разводит понятия «место» (place) и «пространство» (space). Пространство, в отличие от места – абстрактная сущность, оно принципиально не доступно опыту, тогда как место связано с опытом человека. Пространство определяется как объемная пустота, в которую могут помещаться вещи. Место представляет собой непосредственное окружение живого тела, арену для действий, одновременно физическую и историческую, социальную и культурную.

Я, тело и ландшафт связаны с различными измерениями места. Кейси поясняет, что он имеет в виду. Я представляет собой способность к действию (agency) и идентификацию географического субъекта. Тело связывает Я с местом через чувственные и воспринимаемые черты последнего. Ландшафт – это чувственная схема набора мест, их представление-для-Я (self-presentation).

Кейси отмечает, что в классической западной философии было принято разводить место и Я как сущности, принадлежащие к двум принципиально различным реальностям. Я связывалось с сознанием, идентичность Я – с памятью. Место же соотносилось лишь с чистым физическим бытием, принципиально отличным от сознания. Кейси ссылается на Локка, утверждая, что в его подходе такой взгляд представлен наиболее ярко. По мнению Локка, существует принципиальная дихотомия сознательного и физического. Одно никак не связывается с другим, а соотношение Я и места выражается простой формулой: такого соотношения нет.

Однако в более поздних направлениях философии дихотомия сознательного и физического преодолевается. Феноменология явилась альтернативой классическому взгляду. Я тесно связывалось с телесностью, а место стало конститутивным элементом чувствования (sensing) Я. В результате связь между Я и местом носит более сложный характер, чем простое взаимовлияние: место является конститутивным элементом Я, равно как и Я конституирует место. Нет места без Я, равно как и Я не может быть без места. Вопрос теперь заключается в следующем: как происходит такое взаимное конституирование?

Кейси утверждает, что связь между местом и Я базируется на микропрактиках географического субъекта в этом месте. Примером микропрактик является мир работы (work-world), который мы находим в «Бытии и времени» Хайдеггера. Для Хайдеггера место и Я тесно связаны друг с другом в модусе мира работы. «Средства для работы – это не

просто инструменты, обладающие функциональным назначением для самих себя – например, молоток, чтобы забивать гвозди – они порождают работы или результаты (products), отсылающие к человеку, который будет ими пользоваться» (р. 684). Форма Я, таким образом, определяется в мире работы. Погруженность в этот мир помогает понять наше бытие-в-мире как связь конкретного места, в котором мы находимся, с той конкретной личностью, которой мы в нем являемся.

Каждое место обладает определенной инфраструктурой. В обществе модерна она заполняет места, делая их *плотными* (thicken). В обществе постмодерна эти инфраструктуры стираются, места *опустошаются, истончаются* (thinned out), перестают быть устойчивыми, могут легко менять форму и переходить в другие места. Для описания этой ситуации Кейси использует понятие глокализации. Речь идет о состоянии, в котором каждый локал связывается с другими местами в глобальном пространстве. В результате истончения места становятся конгломератом разрозненных мест, который очень напоминает пространство. Такая ситуация, по мнению автора, являет собой противоположность той, которая наблюдалась в обществе до эпохи модерна, где пространство всегда поделенно на места.

Изменчивость мест, считает Кейси, соответствует непостоянному характеру Я. Я представляет собой «нерешительную сущность» (indecisive entity), пребывая в опустошенных, неструктурированных местах современного мира, в первую очередь местах развлечения. Я более не способно к решительному действию, которое осуществляется в жестко структурированных, наполненных местах, таких как мастерская или публичный форум.

Но места, даже опустошаясь и становясь ещё более одинаковыми, не могут полностью исчезнуть. Более того, совокупность мест никогда полностью не превратится в пространство, потому что это разнопорядковые сущности. Места не являются лишь ограниченными регионами пространства, они – места действия, имеют отличную от пространства природу и не могут быть выведены из пространства или сведены к нему. Также и Я не может исчезнуть полностью. Я всегда может осуществить минимальную личную идентификацию хотя бы в результате способности сказать «я» или «меня» («I» or «me»).

Итак, Кейси считает, что существует прямая связь между силой Я – его способностью к автономии, самостоятельным решениям и т. п. – и наполненностью места. Я, его сила и свобода конституируются в их связи с местом. Чем более структурировано, наполнено место, тем сильнее Я. Это расходится с позицией, заявленной Жи-Фу Тюанем в работе «Космос и дом» (Yi-Fu Tuan «Cosmos and Hearth»). Последний утверждает, что свобода и сила Я связаны с независимостью от места. В частности, чем меньше человек привязан к дому, тем более он свободен, тем сильнее его способность мыслить рефлексивно и автономно.

Кейси приводит несколько примеров в подтверждение своей точки зрения. Так, наблюдается рост востребованности плотных, структурированных мест в результате увеличения количества «слабых», опустевших и изменчивых. В частности, распространение телевидения и видео способствовали увеличению значимости кинотеатров, а популярность сайта Amazon.com¹ привела к усилению интереса к традиционным книжным магазинам.

Эти рассуждения скорее указывают на существование связи между Я и местом, но не проясняют механизма, посредством которого связь осуществляется. Это признает и сам Кейси, а потому далее переключает внимание на объяснение осуществления связи Я и места, утверждая, что такая связь может быть объяснена лишь при помощи срединного термина, общего как для места, так и для Я. В качестве такого посредника он заимствует понятие габитуса у П. Бурдьё. Габитус для Бурдьё, говорит Кейси, представляет собой то, что лежит *между*: культурой и природой, сознанием и телом, Я и Другим и т. д.

Как габитус опосредует связь между Я и местом? Габитус – это набор усвоенных диспозиций, которые инкорпорируются в Я на психическом и физическом уровнях как результат опыта пребывания в некотором месте. Эти установки, утверждает Кейси, являются

¹ www.amazon.com – интернет-сайт, торгующий книгами в режиме on-line.

ядром габитуса, однако они не осознаются социальными агентами, а представляют собой «имманентный закон», нечто приобретенное опытным путем пребывания и действия в конкретном месте. Установки такого рода Кейси называет габитюдами (*habitudes*)². Габитюды актуализируются и «разыгрываются» в местах, подобных тем, где были приобретены.

Кейси приходит к следующему выводу: габитус объединяет временную и пространственную составляющую. Он «также является посредником в силу своей способности соединять локальность (*placality*) окружающей обстановки и темпоральность (*temporality*) повторяющихся воспроизведений действий» (р. 686). Сводя местную и временную составляющие в понятие габитуса, география должна рассматривать субъекта не только в пространстве, но и во времени. Время и история, таким образом, снова входят в область географического интереса. Это противоречит, отмечает Кейси, желанию Канта развести историю и географию. Способ преодолеть дихотомию Канта Кейси видит в использовании габитуса как посредника «между местом (главным образом, но не исключительно пространственным) и Я (главным образом, но не исключительно временным)»³ (р. 686). Собственно, Я становится не исключительно временным, а место не исключительно пространственным в результате свойства габитуса соединять в себе временность и местность (пространственность).

Итак, говорит Кейси, люди действуют на основании габитуса – усвоенных ими установок на психическом и физиологическом уровнях. Габитус всегда присутствует в действии, он актуализируется в мире мест. Основным способом, благодаря которому географический субъект имеет доступ к миру мест, является его обитание (*habitation*)⁴ в некотором месте. «Я относится к месту обитания посредством согласованных движений тела, которые представляют собой активацию габитюдных схем, их экспликацию и расслоение (*exfoliation*) в обитаемом мире мест (*inhabited place-world*)» (р. 687). Здесь следует отметить два важных момента.

Во-первых, обитание представляет собой экспликацию габитуса, габитюдных схем. По словам Кейси, если габитус – это движение от внешних обычаев и норм к внутренним установкам, то обитание, напротив, – это экспликация усвоенных габитюдов в мире мест. Пребывая в некотором месте, Я обладает им, помня об опыте других подобных мест, которую предоставляет габитус. Я обладает практической схемой этого места, как сказал бы Бурдьё. Благодаря габитусу возможна ориентация и действие, собственно, обитание в этом месте.

Во-вторых, отношение Я к месту обитания осуществляется посредством тела. Тело – не просто носитель габитюдных схем, продолжает Кейси, оно важно для нас не просто как нечто, способное воспроизводить практические схемы. Тело соотносит географического субъекта с его миром мест, являясь проводником (*vehicle*), вводящим Я в этот мир двумя путями. Первый – «выход за» (*outgoing*). Здесь Кейси описывает то, казалось бы, простое обстоятельство, что именно посредством тела географический субъект сталкивается с миром мест, тело «выходит навстречу» месту. Однако в результате такого столкновения три внутренних оси, присущих ориентации тела в пространстве (вверх/вниз, вперед/назад, вправо/влево), соотносятся с тремя первичными измерениями любого места: вертикальностью, фронтальностью, горизонтальностью. Кейси отмечает, что внутренние оси

² Слово *habitude* есть в английском языке и переводится как склад характера, темперамент. Однако Кейси проводит языковую аналогию между *habitus* (габитус) и *habitudes* (габитюды в нашем переводе) одновременно стараясь сделать языковую отсылку к слову *attitudes* (установки). В силу этого мы решили сохранить эти языковые параллели в тексте реферата. Габитюды обозначают здесь «когнитивные и мотивирующие структуры, входящие в состав габитуса» (Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: АЛТЕЙЯ, 2001).

³ Здесь в скрытой форме выражено возражение на попытку Канта развести пространство и время как формы чувственности, направленные, первое – вовне (к месту для Кейси), второе – внутрь, на Я. Пространство и время воссоединяются друг с другом в понятии габитуса, реабилитируя тем самым внимание исследователей пространства ко времени (и наоборот).

⁴ Кейси обыгрывает сходство терминов *habitus* и *habitation*, восходящих к одному и тому же латинскому *habeo*.

тела и измерения пространства пребывают в отношении взаимного конституирования и развития, ни тело, ни место не играют в этих отношениях превалирующей роли. Второй путь – «вхождение внутрь» (*incoming*). «[Тело] также носит на себе следы мест, которые оно знало. Эти следы постоянно налагаются на тело, откладываясь и формируя тем самым его специфическую соматографию» (р. 688). Место оформляет тело, «усваивается» им, и это столь же важно для формирования человеческого Я, сколь и усвоение межличностных структур.

Места «входят» в нас в результате нашего присутствия в некотором месте и ощущения этого места. Они обладают «цепкостью» (*tenacity*), оставаясь внутри нас много дольше того, как мы их покинули. Пребывая в некотором месте, мы оказываемся подверженными (*subject to*) ему, а затем оно конституирует наше Я не только в момент непосредственного пребывания в нём, но и после, поскольку места, в которых мы были и которым были подвержены, присутствуют в Я и спустя много времени. Вязкость мест и наша подверженность им укореняют их в нас, формируя наши практические схемы, габитюды, которые потом будут воспроизводиться в других местах. Важным элементом этого процесса является тело, посредством которого Я обладает доступом к миру мест.

Кейси заключает: чтобы быть *homo geographicus*, необходимо обладать телом. Не может быть географического субъекта без тела, только воплощенный (телесный, инкорпорированный) субъект может располагаться в месте, собственно, быть *размещенным*⁵. Идентичность Я, о которой говорят западные философы, требует тела, вернее, теларазмещенного (тела-в-месте). Более того, продолжает Кейси, в силу того, что только телесный субъект может быть размещен, без субъекта такого рода не бывает и места. «Пространство и локал вполне могут существовать в отсутствии телесного Я, но не может быть никакого другого субъекта в присутствии места, кроме того, что имеет телесность и способен обладать габитусом, эксплицируя его в проживании» (р. 689).

Я погружено в тело, говорит Кейси. Но теперь надо сделать следующий шаг. Равно как Я «уходит в» тело, место «расширяется» в ландшафт. Ландшафт, в самом простом определении – это совокупность мест. Диада «Я/место» конкретизируется в понятиях «тело» и «ландшафт» соответственно. Кроме такой конкретизации, и тело, и ландшафт привносят в эту диаду материальность, вещьность, что свидетельствует о важном шаге навстречу географическому мышлению.

Ничто так не подчеркивает принципиальной разницы между местом и пространством как ландшафт. Ландшафт – совокупность мест, его площадь может быть огромной, но это вовсе не нечто среднее между местом и пространством. Ландшафт принадлежит к миру мест, к реальности совсем иного рода, чем пространство. Ландшафты могут образовывать космос – мир мест, но никогда – универсум, т. е. пространство как бесконечную неопределенную тотальность.

Наиболее очевидно различие пространства и ландшафта проявляется в первичной черте ландшафта – его горизонте. Ландшафты обладают горизонтами, пространство – никогда. При этом горизонт понимается как линия дуги, ограничивающая ландшафт там, где кончается его достижимая видимость. Места не могут обладать горизонтом, только соединяясь в ландшафты, места обретают горизонт, но это горизонт ландшафта в целом. Горизонт – это граница ландшафта, но она не закрывает его, а открывает для телесного проникновения за эту границу. Другой характеристикой ландшафта являются его чувственные (*sensuous*) проявления: те его черты, которые чувственно воспринимаются пребывающими в нём географическими субъектами: покров (земля, асфальт, вода и т. д.), освещенность, вещи и т. п.

⁵ *Implaced* – быть размещенным в некоторое место, быть в этом месте. Мы предлагаем перевод этого термина как размещение, размещенность. Для Кейси размещаться можно только в месте, нельзя быть размещенным в пространстве. Говоря о размещенности субъекта, мы с необходимостью предполагаем понятие «место» и наоборот.

Понятие ландшафта необходимо для рассуждений о географическом Я. Невозможно пребывать в месте, не имеющем отношения к другим местам. Поэтому понятие ландшафта как соединения мест является неотъемлемой чертой концепции Кейси.

В заключение Кейси утверждает, что расширение диады «Я/место» за счет понятий «тело» и «ландшафт» привело к решению двух задач. Во-первых, тело позволяет месту инкорпорироваться в Я, оставлять свои следы в нём. Я осуществляет воспроизведение практических схем в некотором месте, через тело, которое, таким образом, является необходимым условием для образования габитудов и проживания в каком-то месте. Во-вторых, понятие ландшафта позволило избежать опасности изолированности места, его несвязанности с другими местами. Понятие ландшафта как совокупности мест позволяет помыслить переходы географического субъекта из одних мест в другие, действовать в разных местах. Именно ландшафт делает осмысленным понятие мира мест.

Виктор Безруков

Н. Дж. Энтрикин. Скрытые места

Nicholas J. Entrikin. Hiding Places // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91, No. 4. P. 694-697

Николас Энтрикин указывает на существенные различия в понимании обсуждаемых Э. Кейси понятий («пространство», «место», «габитус» и т.д.) в философском и географическом дискурсах. Заслуга Кейси, по его мнению, состоит в том, что тот попытался соединить две совершенно разные перспективы. Однако Кейси скорее привнес изменения в географию с помощью философии, а не в философию с помощью географии.

Энтрикин отмечает историко-философскую глубину работ Кейси и несравнимую с любой из работ географов широту охвата разных вопросов. Правда темы, разрабатываемые Кейси, уже затрагивались в географической литературе, особенно в работах представителей гуманистической культурной географии (*humanistic cultural geography*). Кроме того, автор указывает на недостаточную осведомленность Кейси в вопросах, относящихся к сфере географии, в частности, недостаточное знакомство с текстами географов.

По мнению Энтрикина, введение понятия «габитус» для объяснения специфики отношения Я и места приводит к результату, обратному желаемому: вместо четкости и прозрачности, габитус привносит в отношения между Я и местом неясность и путаницу. Это предопределяется смутностью формулировки самой концепции габитуса у П. Бурдьё, так что последующие интерпретации только усиливают эту неясность. Наиболее весомая критика со стороны географов заключается в том, что введение габитуса в определение специфики места делает понятие места избыточным в качестве теоретического концепта. Скрытый редукционизм понятия места, сводящий его к роли материальной фикции в отношении к социальному, приводит географию в теоретический тупик.

Очевидно, что Кейси выборочно заимствовал свою идею о роли габитуса при связи «размещения в месте» (*emplacement*) и «воплощения в теле» (*embodiment*) из теории Бурдьё. Однако эта идея, вырванная из общего контекста идей, составляющих теорию практики Бурдьё, представляет собой фигуру, более враждебную по отношению к географическому пониманию места, нежели вся теория практики в целом. Кейси конструирует свое представление о географии вокруг габитуса, и реализация такого замысла облегчается тем, что Бурдьё не высказывался об этом сюжете. Однако, если разрабатывать теорию Бурдьё более последовательно, можно обнаружить предпосылки её продуктивного использования социальными географами. Географы обращаются к социальному производству и конструированию места, и термин «*spatiality*» (пространственность) отражает эту связь.

Энтрикин в целом соглашается с идеей Кейси о соотношении места и пространства, которая не противоречит представлениям географов в этом вопросе, а скорее вписывается в их теоретическую схему.

В заключение Энтрикин вновь возвращается к тому, что теоретический горизонт между географией и философией открыт и полон возможностей. Множество тем все еще остаются неизученными и для философов, и для географов. С географической точки зрения, Кейси превзошел теорию практики Бурдые по степени влиятельности благодаря тому, что представил комплексное определение понятия «Я» и вывел «место» из теоретически непроясненного статуса. Слабость «места» в качестве теоретического концепта проявляется тогда, когда ему приписывается роль относительно всеобъемлющего условия существования, но в своих работах Кейси весьма успешно избегает этой западни. Благодаря этому, говорит Энтрикин, появляется надежда на устойчивое междисциплинарное взаимодействие.

Павел Степанцов

Т. Р. Шацки. Субъект, Тело, Пространство

Theodore R. Schatzki. Subject, Body, Place // Annals of the Association of American Geographers. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 698-702.

Теодор Шацки, прежде всего, отмечает, что Кейси работает в феноменологической традиции осмысления пространства, в рамках которой выделяются три группы основополагающих идей: место и Я взаимно соотносятся, живое тело (living-lived body) является посредником между местом и Я, место отлично от пространства, а живое тело – от физического. Кейси, со своей стороны, расширяет феноменологическое представление о пространстве в двух направлениях. Во-первых, он привлекает понятие габитуса П. Бурдые, при помощи которого объясняет связь между местом и Я. Во-вторых, связывает феноменологическое понятие «горизонт» с географическим понятием «ландшафт».

В данной статье Шацки сосредотачивается на трёх аспектах концепции Кейси: его утверждении, что должно существовать нечто, опосредующее место и Я; на проблемах, возникающих при рассмотрении тела как проводника Я в мир мест; и на характеристиках мест в современном мире.

Роль габитуса

«Габитус» в концепции Кейси является «срединным термином», соединяющим Я географического субъекта и место, в котором этот субъект обитает. Шацки отдаёт должное самому намерению Кейси, однако ставит под сомнение использование для этой цели именно «габитуса» как понятия, взятого из социологии Бурдые. Чем бы ни опосредовалось отношение Я и места, говорит Шацки, два условия должны быть выполнены. Во-первых, опосредующее должно быть чувствительным (sensitive) к месту, в котором оно формируется, и к временному характеру процесса формирования. Во-вторых, от него требуется вызывать поведение, соответствующее как конкретному месту, так и временной природе существования агента (temporality of the agent's existence). Шацки подчеркивает, что понятие габитуса соответствует этим требованиям, но не более, чем многие другие понятия. Кейси же не приводит никаких доводов в пользу того, что именно габитус выглядит предпочтительнее альтернативных возможностей.

В качестве альтернатив Шацки отмечает продуктивность использования понятий референциальной тотальности (referential totality) Хайдеггера и сознания (mind). Референциальная тотальность представляет собой набор возможных телеологических ориентаций, определяющих смысл целей действий, совершаемых агентом в определенных местах в определенное время. Отношение Я субъекта к месту и действия субъекта в конкретном месте и в конкретное время определяются этими ориентациями, которыми субъект обладает по отношению к данному месту, локалу или, шире, миру в целом. Сами телеологические ориентации приобретаются благодаря присутствию субъекта в некотором месте.

Понятие сознания также может выступать посредником между Я и местом. Сознание включает в себя определенные установки по отношению к некоторому месту, которые также приобретаются в результате предыдущего опыта мест. Шацки специально отмечает, что ни «референциальные тотальности», ни понятие сознания не нуждаются в теле для объяснения связи между Я и местом.

Тело

Кейси утверждает, что живое тело связывает Я и место, оно является «проводником» (vehicle) Я в мир мест. По мнению Шацки, такой взгляд вполне соответствует особому вниманию феноменологической философии к живому телу в тех случаях, когда речь идет о пространстве. Этот взгляд считается посткартезианским, однако интуиции его заложены уже Декартом. Картезианская точка зрения состояла бы в том, что мыслящий субъект действительно воспринимает, чувствует и реализует свои намерения во внешнем мире через тело. Однако Декарт приписывает сознанию субстанциальность и отличает субстанцию сознания от протяженной субстанции – внешнего мира, мира вещей. Таким образом, Декарт, вводя две субстанции, сталкивается с проблемой их соединения. Между мыслящим субъектом и миром вещей – протяженным миром – существует в таком случае разрыв. Феноменология стремится преодолеть этот разрыв, отказываясь от дуализма субстанций и привлекая понятие живого тела. Декарт также пытался соединить две субстанции через тело, только физическое.

Но если интуиции феноменологического подхода коренятся в картезианстве, то ему можно адресовать тот же вопрос, что был когда-то адресован Декарту: как именно тело позволяет преодолеть разрыв между миром вещей и сознанием – между местом и Я? Для ответа на этот вопрос Кейси привлекает понятие «цепкость» (что относится, например, к памяти). По его мнению, место «оседает» (lodge in) в теле в результате присутствия данного тела в данном месте. Но как это происходит? Благодаря памяти, которая понимается Кейси не только как феномен сознания, но и как чувственный компонент тела, позволяющий ему «помнить разные вещи, например, как кататься на лыжах» (р. 700). Как и другие феноменологи, Кейси отрицает, что сознание обладает собственной реальностью, поэтому воспоминания могут «оседать» лишь в теле. Тело перестаёт быть лишь физическим телом, а становится живым телом.

По словам Шацки, простота подхода феноменологов, связывающих субъект и мир объектов при помощи живого тела, иллюзорна. Такой подход порождает множество вопросов. Главный из них состоит в том, какова стратегическая ценность привлечения тела в качестве проводника Я в мир мест. Кейси утверждает, что *живое тело* является субъектом места, именно оно может воспринимать место и действовать в нём. Декарт сказал бы, что *мыслящая субстанция* является субъектом по отношению к местам: она усваивает их посредством процесса восприятия, сохраняет в памяти и т.д. Согласно посткартезианским концепциям, к которым принадлежит и феноменология, места, как полагал и Декарт, оставляют след в сознании тоже благодаря памяти. Зачем в таком случае, спрашивает Шацки, привлекать тело в концептуальные построения, если основной акцент всё равно делается на памяти?

Другая проблема, которую видит Шацки, заключается в сложности разведения Я и габитуса, а также Я и тела. По Кейси выходит, что габитус конституирует Я. Но это можно интерпретировать так, будто габитус и есть Я. В таком случае конституирование является синонимичным полному соответствию, слиянию. Однако для Кейси такой взгляд неприемлем. Если габитус опосредует отношение Я и места, то он должен быть отличен от Я. Парадокс использования понятия габитуса, в таком случае, состоит в его двойственности: габитус одновременно отличен от Я и есть Я. Со схожими проблемами, по мнению Шацки, Кейси сталкивается, обсуждая роль тела. Тело определяется и как проводник Я в мир мест, и в как субъект действия, как само действующее Я.

Для преодоления этого парадокса Шацки предлагает Кейси обратиться к концепции Гельмута Плеснера, который утверждает, что субъект обладает двойственным отношением к своему телу: он является своим телом и одновременно обладает им. Применительно к концепции Кейси, это может выглядеть так: если тело соединяет Я субъекта с миром мест, то субъект обладает Я, если же тело идентифицируется с субъектом, то субъект есть Я. Шацки говорит, что Кейси не обращает внимания в своей статье на двойственную природу тела, хотя она, по сути, является таковой.

Места в эпоху постмодерна

В заключение Шацки касается обсуждения природы мест в современном мире. Для Кейси эти места являются «истонченными» и «безразличными» к происходящему в них. Места не определяют более, что именно люди в них делают. «То, что люди делают сегодня, более зависит от них самих, а места в результате этого всё более становятся похожи на безразличное пространство» (р. 701).

Шацки не разделяет уверенности Кейси, что места в эпоху постмодерна стали более «истонченными» и «безразличными», чем были ранее. По его словам, места, содержащие телевизор или компьютер, приобретают собственные наполняющие их структуры, которые делают эти места не более «пустыми», чем, например, место мастерской⁶. Он считает более удачным примером «истонченного» места современный аэропорт. Кроме того, унифицированность мест, говорит Шацки, может быть вызвана их меньшими различиями на больших географических дистанциях по сравнению с тем, что было раньше. Однако такое уменьшение в различии мест на определенной площади компенсируется увеличением темпов и скоростей перемещений людей.

Кейси утверждает, что в современном мире исчезают те места, к которым люди чувствуют привязанность и с которыми они себя идентифицируют. Это связано в первую очередь с тем, что места становятся все более одинаковыми, а темпы перемещения людей из одного места в другое постоянно увеличиваются. Шацки считает, что это замечание более значимо, чем рассуждения об «опустошении» и «растворении» мест в пространстве.

Виктор Безруков

Э. С. Кейси. О габитусе и месте. Отвечая моим критикам

Edward S. Casey. On Habitus and Place: Responding to My Critics // Annals of the Association of American Geographers. 2001. Vol. 91, No. 4. P. 716-723.

В работе «О габитусе и месте» Эдвард Кейси уточняет центральные для его концепции понятия «габитус», «тело», «место», «пространство», «Я» (self) в их взаимосвязи и отвечает своим критикам, выдвигающим, по мнению автора, возражения двоякого рода. Так, Николас Энтрикин и Теодор Шацки критикуют Кейси за избыточность понятия «место», конструируемого и поясняемого при помощи понятия «габитус», а Барбара Хупер (Barbara Hooper) утверждает, что рассмотрение габитуса в качестве проводника социальных и политических связей недостаточно и требует дополнений.

Действительно, Кейси говорит, что габитус отражает включение социальных отношений в определение места, однако, в отличие от Бурдьё, он не намерен рассматривать

⁶ В статье «Между философией и географией» Кейси приводит в качестве примера плотных, «наполненных» мест мастерскую (workshop) или публичный форум, противопоставляя их «опустошенным», истонченным местам, которые схожи с интернет-сайтами или телевизионными каналами. Переход от одного телеканала к другому или с одного сайта на другой осуществляется так же легко, как и переход между местами в современном мире. Каждое место соединено со всеми другими наподобие телеканала или интернет-сайта, и каждое место безразлично к тому, кто в нём находится. Шацки несколько неправильно интерпретирует это положение Кейси. Он говорит о местах вокруг телевизора и компьютера, тогда как Кейси – о телеканалах и сайтах.

социальные и политические корни габитуса. Поясняя подобную двойственность, Кейси настаивает на том, что его интерпретация габитуса не противоречит географическому пониманию места, наоборот, это понимание только углубляется благодаря определению значения тела для того, что он называет размещенностью (*implacement*). Габитус сравнивается с кантовским трансцендентальным схематизмом, который выступает связующим звеном между чувствами и категориями рассудка подобно тому, как габитус связывает тело и место. Политические, социальные, экономические условия становятся составляющими габитуса только в связи с их схематизацией в теле. Тело выступает той средообразующей единицей, которая, пропуская через себя социальные условия, делает возможным их определение в качестве габитуса. Это позволяет избежать неверной интерпретации условий размещенности как условий сугубо социальных (экономических, политических) в том, что можно назвать «чья-либо личная манера отношений к месту», «чья-либо уникальная история нахождения в некотором месте» или даже «чье-либо личное Я». Габитус не является простым отражением социальных отношений, скорее, он – схематизация этих отношений для того или иного варианта использования их телом при размещении в некотором месте. Благодаря габитусу мы можем судить о локализации Я в конкретном месте, и эта размещенность будет иметь свои уникальные условия, т.е. габитус создает некоторый особый уровень существования места.

Для уточнения своей теоретической схемы Кейси разъясняет специфические особенности Я применительно к таким характеристикам, как автономия, изменчивость и зависимость от внешних (социальных и естественных) факторов. По мнению Кейси, Я не автономно, и в то же время оно не «просто игрушка внешних определяющих факторов» или же пустая абстракция. Поскольку Я не является чем-то субстанциальным или законченным, оно постоянно находится в состоянии становления и не является формой окончательно установленного присутствия (*presence*). Я и место непостоянны, и изменения каждого из них по отдельности часто влекут соответствующие изменения другого. Говоря об эпохе постмодерна, для которой характерны децентрализация, изменчивость и гибкость, Кейси указывает, что места могут менять Я, которое, в свою очередь, преобразует места. Однако оба понятия, по мнению Кейси, могут оказаться слишком слабыми, если в расчет будут приниматься силы социального взаимодействия. Сохранить как «место», так и «Я» в теоретическом плане можно при помощи понятия тела.

В трактовке тела Кейси опирается на феноменологов. Но вначале тело рассматривается как понятие картезианской философии, в которой оно выступает в качестве *res extensa*, т.е. сугубо физического тела. Однако здесь возникает проблема: каким образом происходит передача мысли (относящейся к *res cogitans*) к отдельным органам человека (относящимся к *res extensa*)? От картезианского понятия тела приходится отказаться. Выход из такого противоречия найден феноменологами. «Живое» (*lived*) тело само подкрепляет и выражает мысли. Радикальные отличия «живого» тела от картезианской «протяженной вещи» становятся очевидными при рассмотрении гуссерлевского «вынесения за скобки», т.е. феноменологической редукции. Однако Кейси говорит о таком «вынесении за скобки», которое переосмыслено в духе позднего Гуссерля. Оно не сохраняет многообразия жизненного мира. Только при таких предпосылках возможно рассматривать тело как живое, а место – как не допускающее сведение к пространству. Тело выступает средним членом (*mediatrix*) между Я и местом благодаря его тройной роли: оно несет в себе действие габитуса, габитюда и идиолокальности, т.е. пребывания в данном уникальном месте. В ответ на критику Шацки Кейси указывает, что при рассмотрении посредников между Я и местом выдвигалось множество концепций и идея габитуса – только одна из них. Однако он предпочитает именно понятие габитуса, потому что через габитус прошлый опыт может быть интегрирован с текущим состоянием места. Наши ожидания конструируются на основании того, что некоторое отдельное место представляется устойчивым, однако эта устойчивость подкрепляется прошлым опытом.

Культурные аспекты также принимаются во внимание при определении мест, особенно таких их характеристик, как плотная наполненность (*thicken*) или истонченность (*thinned out*). Современная культура подразумевает большее количество истонченных мест, телесная включенность в которые существенно меньше, чем в уплотненных местах. Включенность может поддерживаться различными способами, но наиболее очевидные из них – ритуалы, с помощью которых место сохраняется в качестве плотно заполненного.

После обсуждения значения габитуса в общей теоретической схеме Кейси переходит к ответам на критику его концепции за недостаточное внимание к социальным и политическим аспектам места. По мнению Кейси, критика такого рода несостоятельна хотя бы потому, что включение социальных и политических факторов было бы необходимо только в том случае, если бы сама теория места требовала конкретных факторов и обстоятельств, определяющих неотъемлемые, четко определенные, универсальные характеристики места и тела. Однако ни Кейси, ни Хупер таких требований к своим теоретическим моделям не выдвигают. Тело, обладающее специфическими свойствами, помещенное в своеобразное место, производит некоторую специфическую и случайную включенность. И разумно полагать, что из этой специфичности акта включенности следует необходимость описания всех условий, при которых происходит размещение в некотором месте. Отсутствие перечня таких случайных условий не означает, что на них не стоит обращать внимание. Место, как таковое, всегда изменчиво, может быть истончено (опустошено) или заполнено (уплотнено), непостоянно и зависимо от некоторых обстоятельств. Но не следует смешивать понятия места и пространства. Пространство неизменно и постоянно, и такое понимание этого понятия, по мнению Кейси, было осознанно и принято на Западе в последние полтора тысячелетия. В контексте изменчивости места Кейси вводит понятие события (*event*), которое отражает последовательное чередование, составляющее становление (*becoming*). Устойчивость места постоянно нарушается течением событий.

Следующее уточнение касается дихотомии тела и души, которая, по мнению, Хупер, включена в модель Кейси. Сам автор категорически отказывается от причастности к такой интеграции, оставляя за данной гипотезой роль домысла самой Хупер. При перемещении места из сферы физического Кейси не помещает его в сферу метафизического.

Возвращаясь к различению места и пространства, Кейси вносит ряд дополнений, существенных для понимания его модели. Описательные различия этих понятий заключаются в том, что место относится к сфере локализованного личного опыта, а пространство – к сфере абстрактного и бестелесного. Истончение места приближает его к пространству как неопределенному и отдаленному. Понятия места и пространства не являются взаимоисключающими, они имеют общие объекты описания и зачастую существуют совместно, когда приходится описывать, например, такой объект, как комната. Кейси многократно повторяет, что место изменчиво, а пространство неизменно. Еще один акцент на этом различии ставится в связи с понятием присутствия. Ссылаясь здесь на свою работу «Судьба места» («*The Fate of place*»), Кейси делает общий вывод: место – проницаемо и уязвимо, пространство же обладает истинным постоянством.

Резюмируя возражения оппонентов, Кейси подчеркивает продуктивность критики. Она высветила и то, что недостаточное внимание было обращено к некоторым факторам, важным для его теоретической модели, и то, что некоторые из использованных понятий обнаружили теоретическую избыточность. Так или иначе, критика позволила откорректировать и уточнила интерпретацию практически каждого из них.

ОБЗОРЫ